

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ. —

13 ОКТЯБРЯ.

№ 41

1913 ГОДА.

С Л О В О

въ день Покрова Пресвятыя Богородицы ¹⁾.

Однажды, лѣтъ за тысячу до нашего времени, въ царствованіе императора Льва Мудраго, Константинополь затрепеталъ отъ неожиданнаго нападенія Сарацынъ, почитателей лжепророка Магомета. За отсутствіемъ войска вмѣстѣ съ царемъ, по случаю бывшей войны, столицѣ православнаго греческаго царства, истощенной и безъ того набѣгами разныхъ буйныхъ варваровъ, угрожала неминуемая опасность погибнуть: враги сильные, а помощи ожидать было не откуда. Благочестивые греки обратились тогда съ усердною молитвою къ Богоматери. Молитва ихъ была услышана. Матерь Божія скоро отозвалась на умиленный зовъ рабовъ своихъ и торжественнымъ знаменіемъ подкрѣпила ихъ

¹⁾ Произнесено 1 окт. 1913 г. при Архіерейскомъ служеніи въ храмѣ Епархіальнаго женскаго училища.

упованіе на Ея всесильную помощь. Во Влахернскомъ храмѣ, во время всеобщаго бдѣнія подѣ 1 октября, св. Андрей юродивый и ученикъ его св. Епифаній увидѣли, что будто потолокъ церкви раскрылся и на воздухѣ стоитъ Царица Небесная со множествомъ ангеловъ, окруженная пророками и апостолами, молится за родъ христіанскій и покрываетъ его пречистымъ омофоромъ. „Видишь-ли, брате, Царицу Богородицу и Госпожу всѣхъ, молящуюся за весь міръ“?—съ умиленіемъ спросилъ богомудрый учитель.— „Вижу, св. отче, и ужасаюсь“, благоговѣнно отвѣтилъ на это ученикъ. Вѣсть о такомъ дивномъ видѣніи быстро разнеслась по всему городу. Жители ободрились, и—враги неожиданно были побѣждены и разсѣяны.

Такъ, слуш. бл., еще древле св. церковь воочію убѣдилась во всемогущемъ покровѣ Матери Божіей въ бѣдахъ и напастяхъ нашихъ и благодарно учредила потомъ нарочный праздникъ, нынѣ нами радостно совершаемый. Въ воспоминаніи чудеснаго покровительства, оказаннаго Небесною Царицею въ несчастіи вѣрующимъ грекамъ, можемъ и должны мы видѣть, вмѣстѣ съ Церковію, несомнѣнный залогъ Ея всегдашней и повсѣдной матерней помощи и заступничества и *“всплзъ, въ державный Ея покровъ прибѣгающимъ”*. Сосредоточимъ же въ настоящія минуты благоговѣнное и благодарное вниманіе свое на этой всесильной помощи и покровительствѣ Пречистой Богородицы.

Нѣкогда міръ, весь древній ветхозавѣтный міръ погибаль отъ грѣха, который властно *царствовалъ въ мертвенномъ нашемъ тѣлѣ*. Со времени перваго человѣка согрѣшившаго и въ продолженіи пяти съ половиною тысячалѣтій грѣхъ разрастался и окрѣпъ въ величественное древо, охватившее собою всѣхъ и все въ поднебесной.

Всюду почти господствовала густая, непроглядная тьма язычества съ мрачнымъ многобожіемъ и убійственнымъ нрав-

ственнымъ растлѣніемъ. Въ самомъ избранномъ народѣ еврейскомъ свѣтъ богооткровеннаго руководства меркъ отъ разливавшагося и здѣсь болѣе и болѣе пагубнаго нечестія и беззаконія. *Всѣ содѣлались чадами гнѣва Божія и вмѣнились яко овцы заколѣнія.* (Еф. 2, 3; Псал. 43, 23). Люди праведные—и тѣ, послѣ смерти, нисходили во адъ... Весь родъ человѣческій въ нравственномъ отношеніи какъ бы уподоблялся страшной изначальной *безднѣ*, тому первобытному ужасному хаосу, который погруженъ былъ въ безусловную тьму. Казалось, что уже не Духъ Животворящій будетъ носиться надъ этою новою нравственною бездною, но скорѣе роковые громы разгнѣваннаго правосудія Божія разразятся надъ нею... Скажите же: кто распростеръ свой всесильный омофоръ *въ дѣйствительную помощь, покровъ и защиту* цѣлаго грѣшнаго міра и сохранилъ весь погибающій родъ человѣческій?—Послужила спасенію всего міра Она и только Она, смиренная и пренепорочная Дѣва Марія. Съ младенческихъ лѣтъ всецѣло прилѣпившаяся къ Богу Она, *благословенная въ женахъ, обрѣла благодать у Бога* и родила Избавителя—Сына Божія. Міръ сохраненъ и—мы спасаемся. *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ челоуѣцъхъ благоволеніе!*... Видишь-ли Царицу Богородицу, своимъ предстательствомъ міру миръ и спасеніе даровавшую?

Въ наши времена, около уже двухъ тысячъ лѣтъ времена христіанскія, что также видимъ мы по лицу всей земли? Беззаконное язычество и доселѣ въ значительномъ числѣ преобладаетъ надъ исповѣдниками истинной вѣры и медленно и туго поддается свѣту Евангелія. Число это еще болѣе увеличиваютъ собой, враждующіе противъ Христа, евреи и фанатическіе читатели лжепророка Магомета. При этомъ и новая скорбь: самое христіанство, сравнительно менѣе численное, дробится на многія вѣроисповѣданія и

ереси или секты, которыя и между собою тайно и явно враждуютъ, и особенно дружно и постоянно ополчаются противъ нашей *единой истинной, святой, соборной и апостольской церкви* православной. Не значить ли это --*распинать Христа второе?*.. Вся жизнь современныхъ христіанъ разныхъ вѣроисповѣданій и направленій, въ отрѣшеніи отъ закона Божія и руководства истинной церкви, чуждая святой любви и вѣрнаго духа Христова, располагается и течетъ болѣе по духу прелестей міра сего, направляемая пристрастіемъ къ богатству, къ почестямъ, къ грѣховнымъ удовольствіямъ, къ нѣгѣ и роскоши: не правда ли? Не есть ли это тоже своего рода идолопоклонство, только болѣе тонкое, болѣе внутреннее, а потому болѣе преступное и громче воиющее на небо объ отомщеніи?.. Какой, значить, праведный гнѣвъ Божій постоянно вызывается и какъ грозный смертоносный мечъ виситъ и нынѣ надъ всѣмъ грѣшнымъ родомъ человѣческимъ, вотъ-вотъ готовый окончательно поразить лѣнивый, нерадивый, беззаконный міръ! Гнѣвъ этотъ, по временамъ, грозно и проторгается то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, сопровождаемый страшными разрушеніями и опустошеніями, въ видѣ землетрясеній, урагановъ, лютыхъ эпидемій, изъ года въ годъ какъ бы чередующихся по разнымъ странамъ, и т. п.. Кто же это мощно противостоитъ въ защиту всего міра и своимъ всесильнымъ заступленіемъ непрестанно *отводитъ отъ главы* его сокрушительные *удары молнии и грома* разнѣваннаго правосудія Божія, или и самый начавшійся индѣ заслуженный гнѣвъ скоро смягчаетъ, утоляетъ и со всѣмъ прекращаетъ? Видишь ли опять, брате, Царицу Богородицу и Господу всѣхъ, своими матерними молитвами *присно міръ спасающую?* .

Если мы затѣмъ внимательно обозримъ каждый и свою собственную жизнь со всѣми и повсюду окружающими насъ

трудными и тяжелыми обстоятельствами, то несомнѣнно вочію узримъ и надъ собою тотъ же благодатный покровъ.

Тяготы и немощи прежде и болѣе всего обуреваютъ насъ въ жизни духовной, на пути нашего спасенія. Труденъ путь спасенія нашего! Онъ и по Евангелію — узокъ, тѣсенъ, тернистъ, и немногіе охотно и успѣшно идутъ по немъ (Мѡ. VII, 13 и 14). Въ самомъ дѣлѣ, сколько намъ нужно на этомъ пути выдержать душевной борьбы, сколько потребно имѣть самоотверженія, мудрости и мужества, сколько пережить сердечной туги и сокрушенія?! Обольстительный міръ, грѣхлюбивая плоть наша, коварный діаволь — всегдашніе и сильныя враги спасающихся! На морѣ противныя вѣтры и бурныя волны не даютъ кораблю приплыть къ пристани и нерѣдко совсѣмъ обезсиливаютъ пловцовъ. Такъ и въ жизни духовной страсти и разнаго рода искушенія препятствуютъ намъ пристать къ тихому пристанищу — Богу; мы часто изнемогаемъ на пути и не стаемъ у насъ болѣе силъ бороться со грѣхами...

Ктожь поддерживаетъ насъ въ столь трудной духовной жизни? Кто усердно помогаетъ намъ въ борьбѣ съ прелестями міра, плоти и діавола? Кто побѣдно избавляетъ насъ отъ тѣхъ искушеній, которыя, повидимому, такъ привлекательны и которымъ такъ легко поддается душа наша? — Она, Матерь Божія, *„Споручница грѣшныхъ“*. Своими всемошными молитвами Она именно *„укрощаетъ стремленіе стрістей, угашаетъ ражженныя стрѣлы лукаваго, яже на ны лѣстивно движимыя, плоти нашея возстанія утоляетъ, и всякое земное и вещественное наше мудрованіе усыпляетъ“*. И если бы Она, Сердобольная, не помогала намъ, не молилась за насъ со всѣми святыми и не прогоняла отъ насъ нашихъ враговъ, искушителей и соблазнителей, о! давно глубины моря или пропасти земли по-

глотили бы насъ, какъ это и случается съ другими городами и весями...

Далѣ, по грѣхамъ нашимъ, скорби и горести житейскія—новая и постоянная тягота наша. Много несчастій, много житейскаго горя суждено на долю человѣка! Всѣ мы—жалкіе страдалцы въ этой жизни, юдоли плача и скорбей, и нѣтъ счастливца, который бы волею или неволею не несъ креста своего. Сколько страждущихъ на землѣ, сколько несчастныхъ въ темницѣ заключенныхъ, бѣдствующихъ на морѣ, на сушѣ, въ рѣкахъ, въ гладѣ и нуждѣ; сколько такихъ, у которыхъ тяжело на душѣ, многоболѣзненно въ сердцѣ?!.. Гдѣ же намъ несчастнымъ найти отраду, гдѣ обрѣсти себѣ покровъ и защиту? Къ кому прибѣгнуть за помощію, за утѣшеніемъ? Къ Ней, милосердой Матери нашей—*„къ Богородицѣ прилежно притечемъ“!* Она—*„всѣхъ скорбящихъ радость“* и покровительница во всѣхъ горестяхъ нашихъ. Вспомните, братіе и сестры, минувшія судьбы родной нашей земли, и вѣрующее сердце ваше невольно исполнится благодарнымъ чувствомъ умиленія предъ тѣми дивными явленіями матерняго покрова и заступленія Царицы Небесной, какія мы видимъ во всей девятивѣковой исторіи нашего отечества, со дня крещенія Руси княземъ Владиміромъ и даже до нашихъ дней... Воистину возлюбила Она, мать Божія, нашу землю русскую, православную, и нигдѣ въ мірѣ нѣтъ столько чудотворныхъ иконъ Ея, какъ у насъ на Руси.

Ихъ насчитывается свыше 300 только общеизвѣстныхъ. А сколько ихъ мѣстно читается по разнымъ городамъ и весямъ обширнаго нашего отечества. Нѣтъ, кажется, ни одного отдаленнаго уголка въ Россіи, гдѣ не было бы особенно чтимаго образа Богоматери,—не говоримъ уже о храмахъ православныхъ; нѣтъ ни одной православной семьи, въ коей не нашлось бы Ея лика пречистаго. Съ дѣтской

любовію, въ простотѣ смиреннаго сердца прибѣгаютъ къ Ней и старые, и малые, богатые и бѣдные, простецы и люди, истинною наукою просвѣщенные, и несутъ къ Ея стопамъ и скорби и радости свои. На всѣхъ взираетъ и Она воистину съ материнскою любовію, всѣхъ ласкаетъ благодатнымъ взоромъ Своимъ, всѣхъ утѣшаетъ, всѣмъ помогаетъ въ ихъ нуждахъ. И тепло русскому въ простотѣ вѣрующему человѣку подѣ благодатнымъ покровомъ Ея, и называетъ онѣ Матерь Божию самыми трогательными именами: Она—*заступница усердная*, Она—*грѣшнихъ спорушница*, Она—*скоропослушница*, Она—*радость скорбящихъ*, *утоленіе въ печали сущихъ*, *взысканіе погибшихъ*, Она—*благодатная исцѣлительница и небесная домостроительница*, Она града Москвы *вратарница неусыпная*, а для всего воинства христіюлюбиваго *воевода небесная* .. Ея святыя иконы сопутствовали всѣмъ нашимъ благовѣрнымъ князьямъ и Царямъ и благочестивѣйшимъ Императорамъ во всѣхъ ихъ походахъ на враговъ и супостатовъ Руси православной. Ея заступленіемъ не разъ спасались Москва и другіе грады страны нашей отъ нашествія иноплемennыхъ... Скажи все и ты, страдалецъ: что тебѣ нужно, чего бы не дала тебѣ Царица Небесная? Вѣдь Сынъ Ея есть Богъ, а для Бога есть ли что невозможное? И Сынъ можетъ ли въ чемъ отказать Своей возлюбленной Матери?.. Тяжело у тебя на душѣ,—помолись Ей, и камень спадетъ съ твоего сердца. Ты лишился родителей или дѣтей, ты потерялъ друга или брата? *Се Мати твоя* (Іоан. XIX, 27)! Она заступница сиротъ и „*изнемогающихъ отъ унынія и печали скорая Утѣшительница*“. Тебя преслѣдуютъ враги, поносятъ всячески, ставятъ тебѣ сѣти и явно хотятъ погибели? *Се Мати твоя!* Она освѣтитъ тебя Своимъ покровомъ, и тотъ, кто *тебѣ ровъ изры, и ископа и, падетъ въ яму, юже содѣла* (Пс. VII, 16).

Ты страдаешь тяжкимъ недугомъ, безнадежно лежишь на одрѣ болѣзни. *Се Мати твоя!* Она—исцѣленіе болящихъ «и оставленныхъ врачами на свои всемогущія руки при-емлетъ». Ты бѣденъ, у тебя нѣтъ дневнаго пропитанія и не знаешь, какъ дожить вѣкъ свой? *Се Мати твоя!* Она «богатство Богомъ данное бѣднѣ живущимъ на земли», Она—«питательница алчущихъ и ненадѣющихся на-дежда»... Только въ несчастіи своемъ—молился ли ты Ей когда съ усердіемъ, плакалъ ли предъ Нею слезами истиннаго раскаянія? И знаешь ли ты, что для тебя полезно и спасительно? Грѣшить то при этомъ перестаешь ли и думаешь ли объ исправленіи? А иначе—чѣмъ насъ съ тобою и вразумлять, какъ не бѣдою и горемъ? Чѣмъ врачевать насъ лѣнливыхъ, нерадивыхъ, безпечныхъ? Необходимо при-жиганіе при леченіи немощей духовныхъ: и бѣдность нужна, и скорби нужны, и болѣзни нужны и несчастія... Прійди въ чувство, покайся, молись, простирая руки къ сердобольной Матери Господа! Она Сама простираетъ къ тебѣ руки день и ночь; Она покаянія твоего ожидаетъ и смиренія отъ тебя желаетъ. Покаешься, смиришься, побораешь свои грѣхи и страсти, — и возлюбитъ тебя грѣшника Матерь Божія «Скоропослушница», и во всемъ поможетъ тебѣ.

Наконецъ, послѣдніе дни и часы нашей жизни... ахъ, мучительны и страшны они для насъ грѣшныхъ людей! Какъ тяжело и страшно разставаться душѣ нашей съ тѣломъ! Какъ невыразимо горько и больно сказать послѣднее „прости“ всему, что дорого и мило намъ на этомъ свѣтѣ! Какія ужасныя и отчаянныя мысли овладѣваютъ нами, когда пробьетъ послѣдній часъ нашъ на землѣ, и мы вспомнимъ, что у насъ такъ мало добрыхъ дѣлъ! Мучительное сожалѣніе о потерѣ жизни, ея даровъ и милостей, осужда-

ющее возрѣніе на растлѣнную душу съ ея сквернами, обвинительный взглядъ на содѣланныя безъ числа преступленія съ ихъ извѣстными и неизвѣстными послѣдствіями, невозвратимость прошедшаго, вѣрная смерть, близкій роковой судъ и, какъ предвѣстники его, мрачныя и страшныя видѣнія предъ глазами, особенно отъ лукаваго нашего врага... О, горе-горе намъ грѣшнымъ при смерти!.. Къ кому тогда прибѣгнемъ, къ кому возопіемъ? У кого попросимъ помощи? Кто успокоитъ тогда мятущуюся душу нашу?— Все Она же, *«Заступница усердная... въ часъ кончины единая встѣмъ намъ Помощница»!* Это Она—*«во время исхода нашего окаянную нашу душу соблюдаетъ, и темныя зраки лукавыхъ бѣсовъ далече отъ насъ отгоняетъ»*; это Она—*«уповающимъ на Нее живота конецъ непостыдный даруетъ»*.

Итакъ, видите ли, братіе и сестры, *Царицу Богородицу*, весь міръ и каждаго изъ насъ присно покрывающую честнымъ Своимъ покровомъ и избавляющую насъ отъ всякаго зла (тропарь)?..

«Къ Богородицѣ прилжно нынѣ притецемъ же грѣшнии, и смиренни, и припадемъ, въ покаяніи зовуще изъ глубины души: Владычице, помози, на ны милосердовавши, потщися—погибаемъ отъ множества прегрѣшеній, не отврати Твоя рабы тщы: Тя бо и едину надежду имамы».—Аминь.

Протоіерей *Петръ Палицынъ*.

„Святой Константинъ Великій и торжество хри- стіанства“¹⁾).

Константинъ имѣлъ огорченіе видѣть въ церкви то, чего онъ болѣе всего опасался, то-есть распри, раздоры и несогласія, въ которыхъ онъ волею-неволею долженъ былъ самъ принимать участіе. Еще до низложенія Лицінія, когда Константинъ владѣствовалъ только на западѣ, въ Африкѣ возникъ расколъ донатистовъ, обратившій на себя вниманіе императора и надѣлавшій ему много безпокойствъ. Когда-же Константинъ сдѣлался единодержавнымъ и переселился на Востокъ, онъ засталъ тамъ въ полномъ разгарѣ аріанскіе споры. Ересь Арія, Александрійскаго пресвитера, отрицавшаго божество Основателя—христіанской вѣры, извѣстна. Она выросла на почвѣ софистической діалектики, которая была любимой гимнастикой греческаго ума. Императоръ очень огорчился, узнавъ объ аріанскихъ спорахъ. Онъ отправилъ въ Александрію Осію, епископа Кордубскаго, съ посланіемъ, имѣвшимъ цѣлью возстановить единомысліе. „Возвратите мнѣ мирные дни и спокойныя ночи, писалъ Константинъ къ Александру, епископу Александрійскому и Арію, въ противномъ смучаѣ мнѣ ничего не останется кромѣ необходимости стенать, всему обливаться слезами и проводить свой вѣкъ безъ всякаго спокойствія, потому что доколѣ Божіи люди,—говорю о моихъ сослужителяхъ взаимно раздѣляются столь гибельною распрею, могу ли я быть спокоенъ въ душѣ своей“? Все посланіе проникнуто горячимъ стремленіемъ императора, такъ или иначе, возстановить миръ въ той средѣ, которую онъ считалъ образцовой частью челоувѣчества. „О благое и божественное Провидѣніе, писалъ императоръ, — какъ жестоко поразила мой слухъ, или лучше са-

---

¹⁾ Окончаніе. См. № 40.

мое сердце вѣсть, что вы, чрезъ которыхъ я надѣялся доставить исцѣленіе другимъ, сами имѣете нужду въ гораздо большемъ врачеваніи“ 1). Когда примирительныя увѣщанія императора не подѣйствовали на спорящихъ, онъ рѣшилъ принять болѣе дѣйствительныя мѣры для сохранія чести и спокойствія христіанскаго общества, къ которому самъ примкнулъ и которое хотѣлъ высоко поставить въ глазахъ всего міра. Императоръ надумалъ воспользоваться уже бывшею въ употребленіи на востокѣ формою епископскихъ съѣздовъ и назначилъ въ городѣ Никеѣ соборъ епископовъ для сужденія главнымъ образомъ относительно аріанской ереси и нѣкоторыхъ другихъ церковныхъ вопросовъ, наприм. о времени празднованія Пасхи. Присутствуя самъ на соборѣ, императоръ такъ говорилъ отцамъ собора въ своей вступительной рѣчи: „Не медлите,— о други, служители Божіи и рабы общаго нашего владыки Спасителя! Не медлите разсматрѣть причины вашего раздора въ самомъ ихъ началѣ и разрѣшить всѣ спорные вопросы мирными постановленіями. Чрезъ это вы совершите угодное Богу и доставите величайшую радость мнѣ, вашему сослужителю“. Къ этой цѣли царь стремился всѣми способами. „Кротко бесѣдуя съ каждымъ на эллинскомъ языкѣ, говоритъ Евсевій, царь былъ усладителенъ и пріятенъ. Однихъ убѣждая, другихъ усовѣщевая, иныхъ говорящихъ хорошо хваля, и каждаго склоняя къ единомыслію, царь наконецъ согласилъ понятія и мнѣнія всѣхъ касательно спорныхъ предметовъ“. Императоръ опирался на соборъ, главнымъ образомъ, на большую и авторитетную группу исповѣдниковъ, пострадавшихъ за Христа въ предшествовавшія гоненія и носившихъ на тѣлѣ слѣды своихъ страданій. Это были люди съ простою, крѣпкою, безхитростною вѣрою, всѣмъ сердцемъ признававшіе

1) Ibidem. стр. 19, 20.

Бога-Спасителя и отвергавшіе Арія съ его діалектикою. Царь чтилъ ихъ, цѣловалъ ихъ раны. Простая и крѣпкая вѣра Александра Александрійскаго, Осія Кордубскаго, Евстафія Антиохійскаго, Макарія Іерусалимскаго, Іакова Низивійскаго, Спиридона Тримифунтскаго, Памфутія Оивайдскаго легла въ основу Никейскаго символа, — причеиъ самъ императоръ, конечно, по внушенію вышеупомянутыхъ отцевъ, предложилъ ввести въ символъ столь характерное для православія „ὁμοούσιος“ единосущный. Утвердившись на исповѣданіи вѣры православныхъ отцевъ, императоръ склонилъ аріанствующихъ къ уступкамъ и они согласились подписать Никейскій символъ, что сдѣлали такіе представители аріанства, какъ Евсевій Никомидійскій, Евсевій Кессарійскій, Фіогній Никейскій, однимъ словомъ всѣ, кромѣ Арія и двухъ Ливійскихъ епископовъ Секунда и Феоны, которые и были сосланы въ заточеніе. Къ раскаявшимся аріанамъ и пожелавшимъ войти въ ограду церкви императоръ относился весьма благосклонно и высказывалъ раздраженіе противъ нетерпимости тѣхъ епископовъ, которые отказывались принимать въ общеніе раскаявшихся падшихъ. „Возьми, Алексій, лѣстницу, сказалъ императоръ одному такому епископу, и взойди одинъ на небо“ ¹⁾.

Христіанство благотворно повліяло на личность Константина, создавъ въ его душѣ религіозное настроеніе. Отличительными чертами перваго христіанскаго императора были: челоуѣколюбіе, искренность вѣры, пряиодушіе и особенно щедрость. Чрезмѣрная щедрость Константина, вызвавшая даже нареканія современниковъ, вошла въ пословицу и создала типичный разсказъ о томъ, какъ выдающіеся древніе поведители міра, представъ на судъ Провидѣнія, указывали на задачу и цѣль своей жизни. Цѣль Алексан-

¹⁾ Ibidem, стр. 20—24.

дра Македонскаго— „всѣхъ побѣдить“, цѣль Юлія Цезаря: „быть первымъ между согражданами, цѣль Августа: „хорошо управлять“. А, ты, что считалъ за лучшее въ своей жизни? Спрашивалъ вѣчный Судія у Константина. „Много пріобрѣтать и много раздавать, отвѣчаетъ Константинъ, чтобы удовлетворить собственному желанію и требованію друзей“. Замѣчательно, что даже языческіе писатели, отрицательно относившіеся къ христіанской дѣятельности Константина, не могли отказать ему въ прекрасныхъ качествахъ души, таковы Зосима, Ливаній, Аммианъ Марцелинъ, Юліанъ Отступникъ и др. Съ особенною же похвалою отзываются о немъ христіанскіе писатели: Евсевій, Лактанцій—этотъ христіанскій Цицеронъ, св. Афанасій и др. Торжество христіанства надъ язычествомъ они сравнивали съ переходомъ евреевъ черезъ Черное море и избавленіемъ отъ рабства Египетскаго. Константинъ, такимъ образомъ, получаетъ у нихъ религіозный характеръ—это второй Моисей. Евсевій,—біографъ Константина, видѣвшій неоднократно лично императора, даетъ намъ интересныя свѣдѣнія и о его внѣшнемъ видѣ: „Людамъ царь казался величественнымъ, говоритъ онъ. Но красотѣ тѣла и высотѣ роста не было подобнаго ему, а тѣлесной силой онъ настолько превосходилъ сверстниковъ, что они боялись его“. Это свидѣтельство Евсевія подтверждается статуями Константина, сохранившимися до настоящаго времени. Почти всѣ византійскіе лѣтописцы съ любовью обращаются къ личности Константина Великаго. Они сравниваютъ его съ „Давидомъ“, называютъ „благочестивымъ и побѣдоноснымъ“, „служителемъ Бога истиннаго“, „крѣпкимъ въ вѣрѣ“, великимъ и „трибленнымъ“, „положившимъ на главу свою, какъ первый христіанскій императоръ, вѣнецъ отъ каменечестна“¹⁾). Понятно, почему позднѣйшіе византійскіе им-

¹⁾ Правосл. Обзор. 1862 г. стр. 137.

ператоры старались подражать ему и искали оправданія своимъ дѣйствіямъ въ его исторіи. Возстановить образъ Константина Великаго по литературнымъ памятникамъ восточной церкви было бы трудомъ очень полезнымъ. Но уже одно сопоставленіе отрывочныхъ отзывовъ христіанскихъ и даже языческихъ историковъ даетъ намъ илею о Константинѣ, какъ о человѣкѣ, который обладалъ высокимъ строемъ души. Такимъ же его можно представлять и по его личнымъ литературнымъ трудамъ и изреченіямъ. Источникъ этотъ не бѣденъ. Константинъ Великій принадлежалъ къ числу императоровъ—писателей въ родѣ Марка Аврелія. И такъ какъ наиболѣе употребительною формою литературной дѣятельности въ древней христіанской церкви была проповѣдь, то и Константинъ сдѣлался проповѣдникомъ. Онъ составлялъ рѣчи на праздники и произносилъ ихъ предъ своими придворными. Онъ бесѣдовалъ о единомъ Богѣ, о промыслѣ, и воплощеніи Сына Божія, о послѣднемъ судѣ.

Правда гомилеты, особенно позднѣйшіе, находятъ эти проповѣди не безъ гомилетическихъ недостатковъ, но важно то уже, что умъ императора не былъ подавленъ обыденными заботами и представленіями, но постоянно былъ обращенъ къ высшему, духовному міру и занятъ міровыми вопросами. Таже возвышенность мыслей открывается и въ отдѣльныхъ его изрѣченіяхъ. Однажды царь увѣщевалъ своего корыстолюбиваго царедворца въ такихъ выраженіяхъ: „до какихъ придѣловъ мы будемъ простирать свою алчность“? И потомъ копьемъ, которое случайно держалъ въ своей рукѣ, очертивъ на землѣ пространство въ ростъ человѣческаго тѣла, промолвилъ: „если ты пріобрѣтешь всѣ богатства міра и овладѣешь всѣми стихіями земли,—и тогда не унесешь съ собою ничего болѣе этого описаннаго участка, да и то когда получишь его“? Христіанское смиреніе Константина Великаго обнаруживалось въ великодуш-

номъ терпѣніи обидѣ. „Я не чувствую боли“, сказалъ онъ, поднося руки къ лицу, когда ему донесли, что чернь разбила его статуи ¹⁾).

Въ личной жизни Константина Великаго произошло событіе, которымъ съ усердіемъ пользуются враги его, чтобы набросить тѣнь на нравственную личность императора. „У Константина былъ старшій сынъ отъ первой жены Минервины по имени Криспъ, „человѣколюбивѣйшій, боголюбивѣйшій и во всемъ на отца походящій“, какъ аттестуетъ его Евсевій въ концѣ своей исторіи, доведенной до 324 г. Въ 326 году Константинъ носѣтилъ Римъ и здѣсь внезапно приказалъ умертвить Криспа. Причиною несчастья Криспа была его мачиха, вторая жена Константина Фауста, которая, завидуя, что Криспъ стоитъ выше ея сыновей по своему положенію и по своимъ достоинствамъ, оклеветала его предъ царемъ въ преступной любви къ себѣ. Раздраженный отецъ безъ разслѣдованія, которое едва ли было возможно въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, предалъ сына смерти. Говорятъ, Елена, мать Константина, пораженная такимъ несчастьемъ, впала въ безутѣшную скорбь по убитомъ юношѣ, въ невинности которого она была убѣждена и не переставала упрекать сына въ его поспѣшномъ и несправедливомъ приговорѣ. Императоръ раскаялся въ казни сына, и какъ бы въ утѣшеніе матери поспѣшилъ загладить прежнее зло новымъ. Разгнѣвавшись на виновницу смерти Криспа Фаусту, императоръ приказалъ уморить ее въ жарко натопленной банѣ“ ²⁾). Во всемъ этомъ происшествіи не подлежитъ сомнѣнію только умерщвленіе Криспа, что же касается смерти Фаусты, то многіе исторыки отрицаютъ умерщвленіе ее Константиномъ и категорически заявляютъ, что Фа-

¹⁾ Грековосточ. церковь въ періодъ всел. собор. Ф. А. Терновскаго, стр. 31 32.

²⁾ Ibidim.

уста умерла естественною смертью и даже позже смерти Константина, въ 342 году. Трагическое событіе въ семейной жизни Константина, то есть казнь Криспа, и доселѣ составляетъ загадку для историковъ. Но несомнѣнно, что эта семейная трагедія, пережитая Константиномъ въ Римѣ, въ которой онъ, повидимому, считалъ виновникомъ себя, сильно повліяла на его душевное состояніе. Она создала у Константина покаянное настроеніе¹⁾. Именно, около этихъ годовъ въ немъ замѣчается необыкновенное усиленіе набожности: онъ удвоилъ льготы въ отношеніи къ церкви и рѣшительнѣе, чѣмъ прежде, сталъ заявлять себя христіаниномъ. По свидѣтельству Кодина, онъ поставилъ впослѣдствіи серебрянную вызолоченную статую Криспа съ надписью „ἠδίκημένος“ „несправедливо обиженный“. Вообще врядъ ли есть основаніе критически разсуждать о моральномъ качествѣ вышеуказаннаго поступка Константина, разъ нельзя опредѣлить дѣйствительной его причины. Евсевій, написавшій біографію Константина, хранитъ о семейномъ несчастіи императора глубокое молчаніе. Замѣчательно разсуждаетъ по этому поводу св. Іоаннъ Златоустъ, который, не рѣшая вопроса, виновенъ ли былъ Константинъ или нѣтъ, показываетъ только, какъ много горестнаго волненія долженъ былъ пережить императоръ, чтобы дойти до подобныхъ крайностей. Этимъ примѣромъ св. отецъ научаетъ, что такъ называемые счастливыцы міра сего нерѣдко бываютъ подвержены величайшимъ бѣдствіямъ и что мы не должны стремиться къ богатствамъ, почестямъ и власти и завидовать людямъ, ихъ имѣющимъ, но должны искать своего счастья въ добродѣтели и исполненіи воли Божіей¹⁾. (Вѣс. 15 на посл. къ Филип.).

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о кончинѣ Кон-

¹⁾ Ibidem.

стантина Великаго. Почти до самой кончины Константинъ не принималъ таинства крещенія. По его словамъ, онъ отдалялъ принятіе этого таинства, потому что ему хотѣлось непременно креститься въ водахъ Иордана. Но обстоятельства складывались такъ, что осуществленіе намѣренія его отдалось. Между прочимъ нѣкоторыми изслѣдователями царствованія Константина проводится еще та мысль въ объясненіи его поздняго крещенія, что Константинъ, зная, какъ христіанинъ, спасительную силу таинства крещенія, намѣренно крестился предъ смертью, чтобы очищеннымъ и омытымъ духовно, безпорочнымъ предстать предъ судомъ Бога. Это было съ его стороны какъ своего рода религіозной политикой.

Въ 337 году Константинъ, собираясь въ походъ противъ персовъ, въ послѣдній разъ отпраздновалъ Пасху. „Проводимую въ бодрствованіи священную ночь, рассказываетъ Евсевій, превращалъ царь въ дневной свѣтъ, ибо назначенные къ тому люди по всему городу зажигали высокіе восковые столбы, какъ бы огненные лампы, озарявшія мѣсто, такъ что эта таинственная ночь становилась свѣтлѣе самаго свѣтлаго дня; когда же наступало утро, то, по подражанію благодѣаніямъ Спасителя, простиралъ царь ко всѣмъ гражданамъ и черни благодѣтельную десницу и издавалъ имъ всякаго рода богатые подарки“. Пасха 337 года приходилась 3-го апрѣля. Императору было около 63 лѣтъ отъ роду, но онъ сохранилъ еще крѣпость силъ духовныхъ и тѣлесныхъ. Но послѣ Пасхи, говоритъ Евсевій, „сначала произошло разстройство въ его тѣлѣ, потомъ открылась въ немъ болѣзнь. Поэтому, оставивъ свой городъ, онъ отправился на теплыя воды, а оттуда переѣхалъ въ городъ, соименный своей матери (Еленополь)“. Лечение не помогло и императоръ почувствовалъ приближеніе смерти. Переѣхавъ въ предмѣстье Никомидіи, царь говорилъ окружающимъ его епископамъ: „пришло то желанное время, котораго я давно

жажду и о которомъ давно молюсь, какъ о времени спасенія въ Богѣ. Пора и намъ принять печать безсмертія и приобщиться спасительной благодати. Я думалъ сдѣлать это въ водахъ рѣки Іордана, гдѣ, во образъ намъ, какъ повѣствуется, принялъ крещеніе самъ Спаситель; но Богъ, вѣдающій полезное, удаиваетъ меня этого злѣсь. Итакъ не будемъ болѣе колебаться; ибо если Господу жизни и смерти угодно будетъ и продлить мое существованіе, то чрезъ это я подчиню себя правиламъ жизни, сообразнымъ съ волею Божіею^а. Принявъ затѣмъ крещеніе отъ руки Евсевія Никомидійскаго, Константинъ облекся въ бѣлую одежду. Кончина императора послѣдовала въ день пятидесятницы около полудня 22-го мая ¹⁾. Нѣкоторые историки настойчиво приписываютъ крещеніе Константина папѣ Сильвестру и мѣстомъ крещенія указываютъ Римъ. Тоже говорится и въ Четьи-Минеѣ подъ 21-ое мая; въ службѣ Константину Великому крещеніе его также указывается въ Римѣ безъ подробностей. Но это исторически невѣрно. Древнѣйшіе историки, Евсевій, современникъ Константина, затѣмъ Сократъ, Феодоритъ, а также новѣйшія капитальныя изслѣдованія опредѣленно говорятъ, что Константинъ крещенъ въ Никомидіи Евсевіемъ Никомидійскимъ, а скончался въ Еленополисѣ въ 337 году.

„Припоминая на смертномъ одрѣ всѣ событія своей жизни, Константинъ Великій съ спокойнымъ сознаніемъ могъ сказать, что великое дѣло, порученное ему Провидѣніемъ, онъ совершилъ; распавшееся Римское государство онъ соединилъ подъ одной властью, просвѣтилъ его свѣтомъ христіанской вѣры, доставилъ торжество церкви и упрочилъ это торжество въ будущемъ. Всею своей дѣятельностью онъ глубоко повліялъ на исторію всего человѣчества и потому

¹⁾ Ibidem.

послѣ своей смерти онъ наследовалъ почести рѣдкія въ исторіи: Римскій сенатъ возвелъ его въ боги, исторія признала его великимъ, а св. церковь святымъ и равноапостольнымъ¹⁾.

Вл. Долгополовъ.

Какъ умираютъ невѣрующіе люди.

Какъ интересна и поучительна психологія невѣрующихъ людей! При жизни они горды, самонадѣяны, во всемъ сомнѣваются, все отрицаютъ, надъ всѣмъ глумятся. А какъ придетъ смерть — мгновенно мѣняются. Становятся тихими, кроткими, смиренными. Живо интересуются религиозными вопросами. Ко всему относятся вдумчиво, серьезно. Начинаютъ молиться, вѣрить и любить.

Современные писатели создали цѣлую галерею подобного рода типовъ. И мы хотимъ хоть съ нѣкоторыми познакомиться православныхъ христіанъ. Пусть видятъ они — какъ шатко вообще невѣріе. Какъ быстро рушится оно „у послѣдней черты“. И какія мучительныя и тяжелыя минуты приходится переживать тѣмъ, которые не окрыленные вѣрой отходятъ къ Господу Богу.

Наиболѣе ярко и живо обрисованъ этотъ типъ въ интересномъ двухтомномъ романѣ М. Арцыбашева „У послѣдней черты“. Здѣсь выводится на сцену интересный ученый, человѣкъ огромнаго ума и большихъ знаній, при жизни все отрицавшій, все критиковавшій, ни во что не вѣровавшій, а предъ смертью покаявшійся.

Чтобы не ослабить впечатлѣнія отъ страницъ, описывающихъ этотъ душевный переломъ, мы передадимъ ихъ содержаніе полностью.

¹⁾ Богосл. Вѣстн. 1906 г. стр. 95—96.

„Тамъ, на столикѣ, у кровати, горѣла лампа и, вытянувъ поверхъ одѣвала сухія руки, лежалъ старый профессоръ Иванъ Ивановичъ.

Лампа тускло свѣтила на кровать, а дальніе углы тонуди въ зеленоватомъ сумракѣ, и казалось, что въ этихъ мгlistыхъ углахъ, съ тихимъ непрерывнымъ шопотомъ тянется какая-то странная, таинственная работа, невидимая людямъ...

Смерть была тутъ...

Она не отступитъ, не уйдетъ. Это раньше можно было не думать, можно было надѣяться; теперь все кончено; съ вѣрностью машины подходитъ она все ближе и ближе, точно открытая могила медленно сама ползетъ къ кровати, на которой корчится отъ ужаса Иванъ Ивановичъ.

Тоска подымается все выше и выше, охватываетъ съ головой, нечѣмъ дышать наконецъ!... Все тѣло, вся душа, каждый нервъ тянется и дрожить. Надо скорѣе что-то вспомнить, что-то сдѣлать.

Но что вспомнить? что смерть—обычное физиологическое явленіе, что всѣ умрутъ, что когда-нибудь этотъ моментъ все таки пройдетъ, что это еще не сейчасъ, что объ этомъ не надо думать?... Что вопреки здравому смыслу, такому желѣзному и ясному, есть все таки спасеніе: вѣчная безсмертная жизнь души... Богъ.

И страшная, скачущая мысль вдругъ падаетъ. Призракъ смерти отступаетъ, растворяясь въ какой-то пѣвучей, усыпляющей мечтѣ.

„Богъ!—думаетъ Иванъ Ивановичъ, задерживая дыханіе, чтобы не испугнуть робкую, слабую, какъ паутину, надежду,—Боже мой, Боже!... Ну, что Тебѣ стоять! Я знаю, что смѣшно и глупо мнѣ, старому, умному человѣку, профессору, вѣрить въ Тебя, какъ деревенская баба... Я знаю, что это только малодушіе мое. Но можетъ быть, Ты

все таки есть... Ты пожалѣй меня, мнѣ страшно! Видишь, какъ я мучаюсь, а я старый, больной человекъ, такой жалкій, жалкій старичокъ!

Отъ жалости къ себѣ смутныя слезы заливаютъ тусклые глаза Ивана Ивановича, и онъ нарочно повторяетъ это слово, какъ можно жалче, какъ можно униженнѣе, чтобы разжалобить кого-то.

„Ну, что Тебѣ мучить меня?... Хоть бы узнать! Хоть немного! И стало бы такъ хорошо... Я умеръ бы, но не такъ же, не такъ ужасно!...

И вдругъ гнетущая мысль начинаетъ овладѣвать Ивановъ Ивановичемъ; никому не жаль его, всѣмъ надоѣлъ онъ, жалкій, выжившій изъ ума полутрупъ.

Но, вѣдь, онъ сдѣлалъ столько для науки. Теперь онъ, конечно, давно отсталъ, перезабылъ многое, но было время—имя его пользовалось почетомъ. Остались его книги, обширныя изслѣдованія по исторіи человечества. Люди должны и будутъ его помнить. И такимъ образомъ онъ все-таки не умретъ.

На минованіе какъ бы открывается изъ тьмы дверь въ яркое солнечное утро: да, тѣло умретъ, но душа его будетъ жить вѣчно въ его книгахъ, въ его вліяніи. Да, вотъ оно и есть это безсмертіе.

Но тяжелая дверь захлопывается съ глухимъ стукомъ. Опять пустота и ужасъ: да, будутъ жить книги и мысли, но не онъ самъ. А онъ умретъ. Что за дѣло Сократу, что имя его повторяется кстати и некстати какими-то неизвестными людьми, а самъ онъ давно сгнилъ гдѣ-то въ землѣ. Развѣ это безсмертіе? Это насмѣшка! Иванъ Ивановичъ еще не умеръ, онъ только старъ, а уже и теперь, какая связь между нимъ и его книгами? Лучше бы онъ и не писалъ ихъ совсѣмъ, не думалъ, не жегъ жизни надъ бумагой,

а дышалъ, смотрѣлъ на солнце, котораго онъ никогда, никогда уже не увидитъ больше ¹⁾).

... Дня за три до смерти старый профессоръ Иванъ Ивановичъ замолчалъ и ни приходъ доктора Арнольды, ни заботы перепуганной супруги Полины Григорьевны не могли заставить его отозваться. Казалось, что между нимъ и всей жизнью встала какая-то невидимая стѣна и уже навсегда отдѣлила его отъ живыхъ людей. Тамъ, за этой стѣной, совершалась послѣдняя, никому непонятная борьба жизни и смерти.

Когда его спрашивали о чемъ-нибудь, старичокъ отвѣчалъ коротко и вполнѣ разумно, почти не путая словъ. Можно было подумать, что онъ опомнился, понялъ, наконецъ, что-то и затаилъ въ душѣ эту страшную тайну, боясь заговорить, чтобы не выдать себя. Цѣлыми часами, никого не беспокоя, онъ просиживалъ въ креслѣ, опустивъ на руки дрожащую облѣзлую голову, странно каменѣвшую, и думалъ, закрывъ глаза.

Полина Григорьевна суежилась вокругъ. Какъ бы въ предчувствіи близкаго конца, она вдругъ позабыла всѣ свои мысли, всю усталость и стала кроткой, полной любви и жалости. И когда по начамъ Иванъ Ивановичъ вставалъ и садился на кровати, маленькій, весь бѣлый, она только слѣдила за нимъ, притворяясь спящей, но ничего не говорила, не укладывала, не приставала къ нему.

И молчаніе жутко и торжественно сгущалось въ ихъ домикѣ, точно входили первая волны вѣчной тишины.

Стоило Полинѣ Григорьевнѣ пошевелиться, чтобы Иванъ Ивановичъ торопливо, какъ будто украдкой, спѣшилъ лечь. Но стоило ей закрыть глаза и притаиться, онъ

---

¹⁾ М. Арцыбашевъ: «У послѣдней черты...» Изд. московскаго книгоиздательства. т. 6. 1913 г. стр. 98.

опять подымался, таинственно оглядывался на нее, садился и начиналъ скоро-скоро шевелить провалившимся губами, точно жуя какую-то торопливую бесконечную жвачку.

Только потомъ Полина Григорьевна догадалась, что онъ молится.

Это было такъ неожиданно и страшно, что ей показалось, будто весь міръ измѣнилъ свое лицо.

Сорокъ лѣтъ прожила она съ нимъ и никогда не видала, чтобы Иванъ Ивановичъ молился. Никогда онъ не ходилъ въ церковь, смѣялся надъ религіей, издѣвался надъ священниками, писалъ о Церкви съ разѣдающимъ сарказмомъ. Когда то она, неумная религіозная женщина, даже пугалась его выходокъ противъ Бога и религіи, думала, что Богъ накажетъ, и спорила съ нимъ. Но потомъ привыкла, сама утратила остроту вѣры, подчиняясь его влиянію, и религія, съ ея церквями, крестами и моленіями, отошла отъ ихъ жизни, какъ чужая нелѣпая забава, до которой имъ нѣтъ никакого дѣла.

И когда она сама бывала больна, когда умирали близкіе люди или знаменитые друзья стараго профессора, даже теперь, когда началось это ужасное медленное умираніе, никому и въ голову не приходило призывать Ивана Ивановича, съ его тонкимъ и трезвымъ умомъ, къ вопросу о молитвѣ, загробной жизни и Богѣ.

Но теперь это былъ другой человекъ. Какой-то маленькій, сухонькій старичокъ, въ одномъ бѣльѣ, сидѣлъ на кровати Ивана Ивановича и въ тишинѣ ночи, такъ, что бы не видѣла ни одна живая душа, наединѣ со своими непонятными мыслями, молился Богу.

И Полина Григорьевна видѣла однажды, какъ онъ оглянулся кругомъ и тайкомъ, торопливо, путаясь въ движеніяхъ, перекрестился. Перекрестился разъ, подумалъ и перекрестился опять. И какъ бы уразумѣвъ что-то, началъ

часто-часто креститься, крѣпко прижимая ко лбу, груди и плечамъ дрожашія косточки мертвыхъ рукъ. Губы его шевелились, голова тряслась, и Полина Григорьевна услышала торопливый тайный шопоть.

— Господа, помилуй меня по велицей милости Твоей... Господи, помилуй меня.

Должно быть, онъ ничего больше не могъ вспомнить, ослабѣвшая мысль съ безпомощными усиліями старалась вызвать изъ тьмы прошлаго утерянная памятью слова наивныхъ и горячихъ молитвъ дѣтства. Но они забылись, умерли. Съ тоской, съ дряхлыми, безсильными слезами Иванъ Ивановичъ повторялъ все одни и тѣ же слова.

— Господи, помилуй меня по велицей милости Твоей!...

На другой день она ничего не сказала ему. Какая-то странная тайна, которой не смѣла коснуться чужая рука, чувствовалась въ этихъ ночныхъ молитвахъ. Ужасъ овладѣлъ ею, и она только робко поглядывала на него.

Ночью же, за два дня до смерти, повторилось то же самое, но съ силой страшной, непонятной и печальной.

Тускло горѣла лампа, давно уже не тушившаяся по ночамъ. Тьма стояла въ сосѣднихъ комнатахъ и, казалось, смотрѣла оттуда жуткими, подстерегающими глазами. Полина Григорьевна тихо притаилась подъ одѣяломъ.

Часа два Иванъ Ивановичъ лежалъ совершенно неподвижно лицомъ вверхъ, глубоко вдавивъ въ подушку свою тяжелую голову и вытянувъ поверхъ одѣяла кости мертвыхъ рукъ.

Страшно и угловато рисовалось подъ одѣяломъ его длинное, тонкое тѣло, съ провалившимися животомъ и приподнятыми острыми колѣнами. Спалъ онъ или думалъ, она не могла понять, но чувствовала, какъ что-то приближается и растетъ, наполняетъ комнату и давить грудь. Полина Григорьевна замирала отъ страха, не смѣя шевельнуться.

Какой-то холодъ ползъ по ея ногамъ, подходилъ къ сердцу, сжималъ его длинными холодными пальцами касался мозга. Ей хотѣлось закричать, позвать Ивана Ивановича, но слова гасли въ горлѣ и только сердце колотилось съ изступленной быстротой.

Вдругъ Иванъ Ивановичъ шевельнулся. Тихо, какъ изъ гроба, поднялась дрожащая сѣдая голова и повернулась къ Полинѣ Григорьевнѣ тусклыми, мертвыми глазами.

Повернулась и замерла. Лампа прямо освѣщала его, и дико было это лицо мертвеца, встающаго изъ могилы, съ тусклыми, но живыми, какъ будто хитрыми и злыми глазами.

Полина Григорьевна не шевелилась, но чувствовала, какъ волосы тронулись на ея головѣ и мурашки побѣжали по тѣлу, вдругъ ставшему потнымъ и липкимъ.

Долго и неподвижно смотрѣлъ Иванъ Ивановичъ. Чутко сторожила тишина каждую минуту, и оказалось, что имѣннѣе конца. Потомъ онъ тихо отвернулся. Какъ голова воскового чучела, медленно повернулась его сѣдая, заросшая сѣдой щетиной голова, и онъ поднялся на кровати. Поднялся и опять замеръ, прислушиваясь. Все было тихо, только звенѣло и пѣло что-то въ ухахъ. Полинѣ Григорьевнѣ казалось, что она сойдетъ съ ума, но не было силъ пошевелинуться, позвать его, крикнуть.

Тогда Иванъ Ивановочъ съ страшнымъ усилиемъ приподнялъ и спустилъ съ кровати тонкія, костлявыя ноги съ синими суставами и желтыми обмершими пальцами. На тоненькомъ костякѣ, смѣшно и страшно облеченномъ въ бѣлое бѣлье, съ его тесемочками и пуговками, казалась громадной мертвая голова.

Онъ что-то дѣлать со своими ногами и не могъ.

Упирался руками въ кровать, качалъ головой, дрожалъ и падалъ. Наконецъ, нашель полъ, укрѣпился и сталъ подыматься. И тутъ Полина Григорьевна увидѣла, куда онъ

смотреть: въ углу, давно забытая, но оставленная въ память прошлаго, висѣла икона и лампадка предъ нею, зеленого граненаго стекла, никогда не зажигавшаяся. Полина Григорьевна знала, что внутри тамъ пыль идохлыя мухи.

Иванъ Ивановичъ всталъ во весь ростъ на дрожащихъ, подгибающихся ногахъ, еще разъ оглянулся на кровать жены, хотѣлъ опуститься на колѣни, но не сдержался и тяжко рухнулъ внизъ, рухнулъ и замеръ, ухватившись костлявыми пальцами за стулъ.

Та же тайная сила удержала крикъ въ горлѣ Полины Григорьевны. И почему-то, точно почувствовавъ, что никто не долженъ видѣть этого, она крѣпко закрыла глаза.

Иванъ Ивановичъ тихо пошевелился. Странный костяной стукъ долетѣлъ до ея ушей, но она не поняла его. И вдругъ страстный, полубезумный шопотъ раздался въ комнатѣ.

— Отче нашъ, иже еси на небеси... да святится имя Твое, да придетъ царствіе Твое, яко на небеси и на земли... хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь и остави намъ долги наши, яко же и мы... оставляемъ должникомъ нашимъ... во имя Отца и Сына и Святаго Духа... Господи, помилуй меня по велицей милости Твоей... оставь мнѣ долги мои... помилуй, Господи, помилуй... помилуй меня...

Дико и страшно звучали эти слова и страшной силой неизбывной муки, непереноснымъ страданіемъ звучалъ старческой срывающійся шопотъ.

И опять долетѣлъ странный костяной ударъ. Полина Григорьевна открыла глаза, но за слезами ничего не могла разобрать, кромѣ расплывчатаго бѣлаго пятна на полу.

Иванъ Ивановичъ молчалъ. Бѣлое пятно шевелилось, странно выгибаясь, и какъ бы стараясь ползти, но ни одного звука не было слышно. Полина Григорьевна сама не замѣчала, что уже не лежитъ, а сидитъ на кровати, съ

широко открытыми глазами, распустившимися сѣдыми волосами и протянутыми руками.

Послышался опять слабый костяной стукъ, потомъ онъ повторился. Казалось, Иванъ Ивановичъ часто часто, неровно кладетъ поклоны и стучается лбомъ о полъ. Немного было тихо, и опять онъ ударился черепомъ о полъ сильно и гулко, и тогда застоналъ. Въ одно мгновение, съ ясностью молніи, Полина Григорьевна повяла, наконецъ, что онъ старается подняться, не можетъ и ерзаетъ по полу, колотясь головой о доски, въ тщетныхъ скользящихъ усиліяхъ.

Съ отчаяннымъ крикомъ она бросилась къ нему, охватила, подняла и посадила на кровать съ вевѣдомой ей силой. Иванъ Ивановичъ растерянно бормоталъ что-то, шевелилъ руками и смотрѣлъ на нее жалкими, виноватыми глазами.

— А я, видишь... помолиться хотѣмъ... Такъ, шутя... давно не молился... думалъ попробовать...— бормоталъ онъ, и голова его тряслась. Ему было мучительно стыдно, но прежняя гордость яснаго и сильнаго ума уже пала и растаяла въ немъ. Малъ и слабъ былъ его духъ. И какъ маленькій ребенокъ, онъ плакалъ прижавшись къ женѣ, точно ища у нея защиты.

— Страшно мнѣ... Страшно, Полечка... умираю я...— бормоталъ онъ.

Они сидѣли рядомъ на кровати и оба плакали старческими безсильными слезами. Оба маленькіе, сѣдые, въ бѣломъ бѣльѣ. И вдругъ горячая волна надежды радостнымъ свѣтомъ озарила ее.

— Знаешь... позовемъ мы завтра чудотворную икону... отслужимъ молебень... Богъ дастъ, ты поправишься...— говорила она и ласкала его по облѣзлой трясущейся головѣ нѣжными, любящими, жалѣющими пальцами.

И на другой день съ утра ихъ домъ наполнился свѣтлымъ ожиданіемъ.

Вымыли и вычистили комнаты, приодѣли Ивана Ивановича въ свѣтлый сюртукъ и ждали съ трепетомъ и робкой надеждой.

И когда икона, темная, суровая икона древности, водрезилась на бѣлой скатерти, зажгли предъ нею трепетныя свѣчи, мѣстный священникъ, облаченный въ свѣтлую эпитрахиль, сталъ читать и пѣть. Иванъ Ивановичъ сползъ съ кресла на колѣни и заплакалъ.

Солнце свѣтило въ окна и золотомъ свѣта, радостнымъ и милымъ, наполнило всѣ углы комнаты. Гулко звенѣли голоса церковнаго причта, тихо вился дымокъ кадильный. И въ свѣтѣ, дыму и сіяніи чернѣла икона съ суровымъ, безрадостнымъ ликомъ, почернѣлымъ отъ времени.

Плакала Полина Григорьевна, плакалъ Иванъ Ивановичъ, и была радость и надежда въ ихъ свѣтлыхъ слезахъ. Какъ будто только теперь всѣ поняли, что нѣтъ иной надежды, что нѣтъ иной защиты, кромѣ той свѣтлой и всемогущей силы, которая откуда-то изъ сіянія великаго солнца, изъ голубыхъ высотъ тихо сходила къ лику черной иконы.

Иванъ Ивановичъ, широко раскрывъ слезящіеся глаза, смотрѣлъ снизу на темный ликъ, и слезы ручьями текли по морщинамъ его страшной, мертвой маски. Всю послѣднюю силу своей догорающей жизни, весь ужасъ и всю тоску послѣднихъ темныхъ ночей выливалъ онъ въ этомъ безмолвномъ молящемъ взглядѣ. Никакая сила не оторвала бы его въ эту минуту отъ чернаго, страннаго пятна на снѣжно-бѣлой скатерти.

И когда голоса священниковъ, фальшиво переплетаясь и дребезжа въ странной мелодіи, наполняли комнату, слезы быстрѣе бѣжали по щекамъ Ивана Ивановича.

Въ эту минуту онъ отказывался отъ всей своей жизни, отъ своего гордаго ума, отъ науки, опыта и дерзости разума, обманувшихъ его. И въ скорбно—свѣтломъ смиреніи, безъ словъ, одними слезами онъ просилъ эту невѣдомую силу пощадить его, спасти и помиловать.

Икону увезли... Синенькій дымокъ еще вился и тоненькой перекрученной стружкой тянулся въ открытую форточку.

Иванъ Ивановичъ сидѣлъ на диванѣ, чистенькій, бѣленькій. Губы его дрожали, но въ слезящихся глазкахъ былъ свѣтъ напряженной дѣтски-чистой вѣры. И все его старенькое личико свѣтилось внутреннимъ свѣтомъ. Солнце добралось до его головы и благословляющимъ свѣтомъ, грѣя и лаская, освѣтило его. Онъ радостно, улыбаясь, смотрѣлъ на Полину Григорьеву и дочь Лиду, точно первый разъ увидѣлъ ихъ.

— Ну, вотъ и слава Богу... Теперь ты поправишься... ласково какъ ребенку—имениннику, говорила старушка и брала его за худыя руки, лаская ихъ, вся свѣтлая отъ надежды и любви.

Иванъ Ивановичъ смотрѣлъ на нее свѣтлыми глазами и улыбался, а на щекахъ его еще дрожали прозрачныя чисто дѣтскія слезы. Весь онъ былъ свѣтлый, точно свѣтился изнутри.

Потомъ онъ утомился и просился лечь. Заснулъ и больше не просыпался ¹⁾...

Такъ скончался старый профессоръ.

Читая описаніе послѣднихъ минутъ его жизни, думаешь, Господи, какъ тяжело умирать человѣку безъ вѣры! Какъ онъ тогда мучится, скорбитъ! Какъ ему все кажется бессмысленнымъ, пустымъ. И цѣль жизни, и многолѣтній

---

¹⁾ Стр. 226.

трудъ, и его мысли, идеи, надежды, стремленія. Все кончается прахомъ. Все суета, томленіе духа и тлѣнь.

И благо человѣку, если онъ во-время образумится, отрешится и вернется къ своей матушкѣ — Церкви, которая дастъ ему все: и любовь и вѣру, и надежду, и смыслъ всему и вѣчный покой. Такъ случилось, на примѣръ, съ Иваномъ Ивановичемъ.

Пусть же его кончина послужить урокомъ для вѣчно колеблющихся и сомнѣвающихся умовъ. Пусть современные скептики, все критикующіе невѣрующіе люди, профессора, прочитають повѣствованіе объ его смерти, подумаютъ и о себѣ. Можетъ быть, и они уже близки къ „последней чертѣ“. Можетъ быть и ихъ ждуть тѣ муки и страданія, которыя до своего перелома переживалъ на смертномъ одрѣ старый жрецъ науки, профессоръ Иванъ Ивановичъ. Если да, то пусть же знаютъ, въ чемъ ихъ спасеніе, въ чемъ секретъ „безболѣзной, непостыдной, мирной кончины и доброго отвѣта на страшномъ Христовомъ судищѣ“.

Свящ. *Ал. Введенскій.*

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ СКЛАДЪ

— *Т* О Р Г О В Ы Й Д О М Ъ *—*

Аркадій Николаевичъ Вяхиревъ и К^о.

Воронежъ, Б. Московская ул., соб. д.

КЪ ОСЕННЕМУ И ЗИМНЕМУ СЕЗОНАМЪ

ПОЛУЧЕНЪ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

МАНУФАКТУРНЫХЪ ТОВАРОВЪ

Цѣны вѣтъ конкуренціи.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОБЩЕСТВО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ

утвержденное въ Россіи въ 1889 году.

С. Петербургъ, Невскій пр., № 13.

Годовыя свѣдѣнія и брошюры выдаются безвозмездно.

Отдѣленія и агентства во всѣхъ значит. городахъ Россіи.

Первое и единственное Общество въ Россіи, которое при разныхъ видахъ страхованія на случай смерти и на опредѣленный срокъ включило:

а) льготу во время болѣзни, *освобождая заболѣвшаго отъ уплаты премій, которыя впоследствии не взыскиваются;*

б) обезпеченіе при утратѣ способности къ труду—*не только навсегда освобождая несчастнаго клиента отъ премій, но и выдавая ему на руки $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ страховой суммы.*

Этимъ путемъ Общество «УРВЭНЪ» желаетъ осуществить истинный смыслъ страхованія жизни и *устранить тотъ обычный рискъ, какому до сихъ поръ подвергался страхователь, зстигнутый болѣе или менѣе продолжительной болѣзью, когда при невозможности во время вносить премію онъ теряетъ большую часть сдѣланныхъ взносовъ и лишается послѣдней надежды на обезпеченіе, такъ какъ его страхованіе прекращается.*

Правда—онъ можетъ, и то черезъ 3 года, прибѣгнуть къ есудѣ подъ полицію, но это—менѣе, чѣмъ палліативъ, ибо помощь получается невзначайшая, а дальнѣйшіе платежи сильно отягчаются.

Общество «УРВЭНЪ» стремится выполнять главное требованіе страхованія, чтобы клиенты *отнюдь не ставились въ затруднительнѣе положеніе, а были гарантированы отъ потерь при наступленіи болѣзни, лишяющей возможности аккуратно выплачивать премію.*

Отсюда очевидна вся выгодность названныхъ льготъ, благодаря которымъ полицію *никогда не теряютъ силы* и страхователь всегда находитъ опору въ трудныя минуты жизни.

Все это уже хорошо поняли клиенты Общества «УРВЭНЪ», широко пользующіеся этими льготами, что представляетъ особую важность въ наше время распространенія всевозможныхъ болѣзней.

За справками просимъ обращаться въ Отдѣленіе Общества въ г. Воронежѣ, В. Московская, № 18, д. Богомоловой. Телефонъ № 335.

„Приходскій Священникъ“

открывается льготная подписка на послѣднюю четверть года.

За ОДИНЪ РУБЛЬ подписчики получаютъ:

1) 3 книги журнала „*Приходскій священникъ*“, каждая размѣромъ до 300 страницъ.

2) 3 книги журнала „*Трезвые Восходы*“, посвященнаго задачамъ антвалкогольной борьбы.

3) „*Календарь для духовенства*“ на 1914 годъ, стоящій въ отдѣльной продажѣ 25 копеекъ и содержащій всѣ необходимыя для пастыря справочныя свѣдѣнія.

Льготная подписка будетъ дѣйствительна въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ.

Подписавшіеся же въ ноябрѣ и декабрѣ получаютъ только три книги журнала „*Приходскій Священникъ*“.

Адресъ. СПетербургъ. Петербургская сторона Б. Спасская, № 26.

(2—2)

(2-й годъ
изданія)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914-й г.

(2-й годъ
изданія)

на единственный въ Россіи проповѣдническо-миссіонерскій, апологетическій и противуалкогольный **ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ:**

1000 приложеній

„**СЪЯТЕЛЬ**“

50 художеств. картинъ

выходящій въ губернскомъ городѣ **Уфѣ** ежемѣсячно по слѣдующей программѣ:

А. Рисунки на отдѣльныхъ листахъ, прекрасно исполненные фотоцинкографіей на дорогой мѣловой бумагѣ: автотипии съ картинъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ на религіозныя и историческія темы; копіи съ чудотворныхъ иконъ и изображенія св. угодниковъ Божіихъ; портреты іерарховъ русской церкви и выдающихся церковныхъ дѣятелей; виды церквей, монастырей и проч.; снимки съ церковныхъ древностей, (въ годъ не менѣе 50 художественныхъ снимковъ).

Б. Текстъ: 1) редакціонныя (передовыя) статьи; 2) религиозно-нравственный отдѣлъ: поученія, бесѣды, апологетическія и полемическія статьи (противъ сектантовъ, невѣровъ, безбожниковъ), о трезвости, противъ пьянства, хулиганства и другихъ пороковъ (литературныя и научныя статьи), статьи историческаго и бытового характера, очерки, рассказы, стихотворенія; 3) *мѣтопись церковно общественной жизни*; 4) *къ рисункамъ* (краткій пояснительный текстъ къ помѣщаемымъ въ журналѣ рисункамъ), 5) *переписка съ читателями*; 6) *библіографія*, 7) *смѣсь и объявленія*. (Въ годъ около 400 страницъ большого формата).

1 Январскій № выйдеть 1 Декабря.

1000

При журналѣ, въ качествѣ ПРИЛОЖЕНІЯ,

1000

разсылается подписчикамъ для бесплатной раздачи народу тысяча иллюстрированныхъ, назидательныхъ листовъ, въ 4 страницы, большого формата, подъ общимъ названіемъ: „**КРУПИЦЫ ПИЩИ ДУХОВНОЙ**“:

100 листовъ: Выдержки изъ Священнаго писанія, святоотеческихъ твореній, молитвы и церковныя пѣснопѣнія.

100 листовъ: Рассказы изъ библейской, церковной и русской исторіи: житія святыхъ и чудотворныя иконы.

100 листовъ: О постѣ покаяніи и причащеніи Св. Таинъ.

100 листовъ: популярно-апологетическаго содержанія: катехизическія и миссіонерскія бесѣды.

100 листовъ: Объясненія (въ формѣ поученій и бесѣдъ, Апостольскихъ и Евангельскихъ чтеній, православнаго Богослуженія и церковныхъ обрядовъ).

200 листовъ: поученій и бесѣдъ на двенадцатые праздники и дни воскресныя, со держаніемъ примѣнительно къ современности.

300 листовъ: о трезвости, противъ пьянства, хулиганства и прочихъ пороковъ.

Журналъ разсылается подписчикамъ обязательно за мѣсяцъ до произнесенія помѣщенныхъ въ номеръ поученій; такъ что у подписчиковъ будетъ постоянно готовый, свѣжій матеріалъ для народныхъ чтеній, собесѣдованій, проповѣдей; будутъ подъ рукою все новыя и новыя, дешевыя, но изящныя и содержательныя листки для раздачи народу, столь необходимыя нынѣ при всякой проповѣднической каведрѣ

Подписная цѣна на журналъ „Святель“ съ приложеніемъ 1000 листовъ „Крупницы пищи духовной“: на годъ 4 р.; на 6 мѣсяцевъ 2 р.; на 3 мѣс. 1 р. съ пересылкой. 2-е изданіе: на журналъ „Святель“ (только съ 50-ю листк. для образца) 1 р. 50 к. въ годъ.

Адресъ для подписки: г. Уфа, въ редакцію журнала „Святель“.

Редакторъ—Издатель Свящ. І. Хохловъ.

БЮРО КОЛЯСКИНЪ и К^о
Большая Москов. близъ круглыхъ рядовъ
ПРЕДЛАГАЕТЪ
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ПАМЯТНИКОВЪ
И
РѢШОТОКЪ.

11—15

СОДЕРЖАНІЕ
НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Слово въ день Покрова Пресвятыя Богородицы - Протоіерей *Петра Палицына*.

«Святой Константинъ Великій и торжество христіанства». — *Вл. Домополова*.
Какъ умирають невѣрующіе люди. — *Свящ. Ал. Введенскаго*.
Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи *Архимандритъ Серафимъ*.

Печатать дозволяется. 13 октября 1913 г. Цензоръ Протоіерей *А. Спасскій*.

Воронежъ. Типо-Лит. «Т-ва Н. Кравцовъ и К^о», В. Дворянская ул., д. Сомова.